

ВВЕДЕНИЕ

«Французская философия — это философия, которая говорит по-французски, даже если она высказывает греческие, латинские, английские или немецкие мысли»

В. Декомб,
Современная французская философия.

«Расчленять саму историю мысли позволяют только внутренние условия её собственной возможности».

М. Фуко,
Слова и вещи.

Писать биографическую книгу о Мишеле Фуко нелегко. Как сказал Ж. Дюмезиль, Фуко всегда носил маски и постоянно менял их. Поэтому существует тысяча разных Фуко, и о каждом из них можно написать по книге. Впрочем, это едва ли приблизит нас к пониманию идей философа в их целостности, а такая целостность, несмотря ни на что, существует. Так что вместо того, чтобы писать тысячу книг о каждом Фуко, лучше написать одну книгу обо всей тысяче. Их слишком много, и они расходятся в разные стороны, поэтому сказать о каждой из ипостасей Фуко, быть может, и не удастся: на какие-то из них мы сможем указать, на другие — лишь намекнуть, а какие-то могут и вовсе ускользнуть от нашего внимания. Впрочем, наша задача заключается не в составлении полной сводки, а в прорисовке максимально достоверного философского портрета. В соответствии с нормами аристотелевской эстетики, такой портрет должен стремиться не к буквальности документирования, а к отображению общих черт.

Фуко — автор противоречивый и зачастую непонятный. Он прекрасно осознавал эту свою «непонятность», но не стремился её избежать: речь идёт о таких вещах, что выражаться яснее не представляется возможным. Поэтому Фуко избирал стратегию, отличную от стратегии традиционно мыслящих авторов, настаивающих на единственном смысле своих писаний. «Мне бы хотелось, чтобы книга... была только совокупностью составляющих её фраз и ничем иным, — писал он в предисловии ко второму изданию “Истории безумия”. — Мне бы хотелось, чтобы эту вещь-событие, едва заметную среди великого множества других книг, переписывали вновь и вновь, чтобы она распадалась на фрагменты, повторялась, отражалась, двоилась и в конечном счёте исчезла — причём так, чтобы тот, кому случилось её создать, никогда не смог добиваться для себя права быть её хозяином или навязчиво внушать другим, что именно он хотел в ней ска-

зять и чем именно она должна быть. Короче, мне бы хотелось... чтобы ей хватило нахальства объявить себя дискурсом, иначе говоря, одновременно сражением и оружием, стратегией и ударом, борьбой и трофеем, или боевой раной, стечением обстоятельств и отголоском минувшего, случайной встречей и повторяющейся картиной».¹

Такое стремление к стиранию авторского «Я» у Фуко носит амбивалентный характер. С одной стороны, он прилагал большие усилия к элиминированию авторской интенции из своих текстов, с другой — все его книги, как он сам признавал, являются автобиографическими. Это перманентное исчезновение автора, проглядывающего всего отчётливее именно в своём исчезновении, было для Фуко программным, однако работу исследователя оно изрядно затрудняет. Тому, кто не желает получить вместо достоверного Фуко мифологизированный образ, приходится преследовать философа на самых различных полях, никогда не достигая. Прибегнув к лаканистской терминологии, можно сказать, что, отказавшись действовать на уровне Воображаемого, мы оказываемся во всегда незавершённом Реальном.

М. Бланшо написал о нём: «Фуко, однажды по случаю объявивший себя “счастливым оптимистом”, был человеком в опасности и, не выставя этого напоказ, обладал обострённым чувством опасностей, к которым мы predisположены, когда пытался выяснить, какие же из них представляют наибольшую угрозу, а с которыми можно и подождать. Отсюда та важность, которую имело для него понятие стратегии, и отсюда же тот факт, что ему случалось играть с мыслью, будто он мог бы, распорядись так случай, стать государственным деятелем (политическим советником) с тем же успехом, что и писателем — термин, который он всегда отвергал с большей или меньшей горячностью и искренностью, — или чистым философом, или неквалифицированным рабочим, то есть неведомо кем или чем».² Всем этим он одновременно был, не будучи в то же время никем в частности. Такого персонажа впору выводить в романе (и, кстати, выводили, порой в довольно неприглядном виде). «Я думаю, — говорил он в 1984 г., — что побывал на большинстве клеток политической шахматной доски, последовательно, а иногда и одновременно: анархист, левый, открытый или замаскированный марксист, нигилист, явный или скрытый антимарксист, технократ на службе у Шарля де Голля, новый либерал и т. д.... В действительности я предпочитаю никак не идентифицировать себя, и я удивлён разнообразием оценок и классификаций».³ Однако нас интересует не сам Фуко, святой или греш-

¹ Фуко М. История безумия в классическую эпоху. Пер. И. К. Стаф. СПб.: «Университетская книга», 1997. С. 22.

² Бланшо М. Мишель Фуко, каким я его себе представляю. Пер. В. Е. Лапицко-го. СПб.: «Machina», 2002. С. 14.

³ Foucault M. Interview: (Polemics, Politics and Problematicizations) // Essential Works of Foucault. Vol. 1. Ethics. Ed. L. Davis. N.Y., 1997.

ный, властитель дум, принятый в президентских дворцах, или водитель грузовика, везущего контрабандный груз, аполитичный технократ или радикальный революционер — всем этим он был, и мы скажем обо всём по порядку, но цель у нас другая, и писание агиографии мы оставляем другому автору, который, вне сомнения, когда-нибудь возьмётся за такой труд. Наша задача в том, чтобы, как уже было сказано, написать портрет Фуко-философа, разместив его лик в интерьере его эпохи.

Творчество Фуко развивалось на фоне его преподавательской карьеры, а «тот факт, что преподаватель философии во Франции является государственным чиновником, объясняет и то, что преподавание неизбежно имеет политические последствия».¹ Фуко постоянно перемещался по политической шахматной доске, переходя с одной позиции на другую (хотя и оставаясь на её левой стороне) и, пожалуй, этим можно отчасти объяснить его постоянные перемещения в университетском пространстве: двигаясь от провинции к столице, где он в конце концов возглавил кафедру в Коллеж де Франс, Фуко постоянно норовил ускользнуть на границу этого пространства, где он чувствовал себя свободнее. И тем не менее, Фуко — типично французский интеллектual. Этим во многом определяется стиль его работы и способы декларации своих идей. Во Франции, в отличие от англоязычного мира, принято использовать критику чужих работ для декларации собственных идей. Поэтому Фуко следует считать критиком не только в кантовском, но и в сартровском смысле. Парижское интеллектуальное сообщество относительно немногочисленно, и здесь все знают всех, как в большой деревне. Французские средства массовой информации неизменно проявляют внимание к интеллектуалам и как нигде часто интервьюируют их, так что интервью и публичные выступления во Франции становятся платформой для выражения своих идей, не менее важной, чем книги и журнальные статьи. Сам Фуко говорил, что методологические основания своей работы он излагает в интервью, поскольку в книгах ему это никак не удаётся. А кроме того, интервью в средствах массовой информации становятся связующим звеном между французскими интеллектуалами и их аудиторией.

Фуко часто обвиняют в том, что он объявил безумие выдумкой, а самого человека — несуществующим. И то, и другое неверно. Фуко, несомненно, отдавал себе отчёт в том, что люди, страдающие психическими расстройствами, существуют, и облегчить их страдание, объявив его выдумкой, невозможно. Он выступал против весьма удобного алиби, которое состоит в утверждении, что не существующие реально абстрактные конструкции необходимы для упорядочения имеющихся у человечества знаний, и не более. К такому утверждению прибегает даже такой прогрес-

¹ Бланишо М. Мишель Фуко, каким я его себе представляю. С. 13.